

УДК 94:355.27(470.344)"1914"

ВВЕДЕНИЕ СУХОГО ЗАКОНА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.Н. Блиняев, О.Н. Широков

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, 428000, Россия*

Аннотация

В статье предпринята попытка на основе ранее не вводившихся в научный оборот материалов фонда № 82 Государственного исторического архива Чувашской Республики исследовать вопрос о предпосылках введения, реализации и последствиях сухого закона во время мобилизации в Период первой мировой войны. Авторами даны обзор советской, российской и региональной историографии проблемы и характеристика архивных источников. Рассмотрена политика местных властей по исполнению сухого закона и других предписаний центра, а также ее итоги в контексте событий в империи. На основе результатов исследования сделаны следующие выводы: развитое трезвенническое движение и принятые правительством указы и циркуляры позволили ввести сухой закон на территории Казанской губернии в целом и в Чувашии в частности в период мобилизации, а его проведение в жизнь имело достаточно мягкий характер запретительных мер.

Ключевые слова: Чебоксарская городская управа, мобилизация, пьяные погромы, казанский губернатор, Попечительство о народной трезвости, Чебоксарская городская дума, сухой закон

В советское время проблематика, связанная с введением сухого закона во время Первой мировой войны, практически не рассматривалась. Лишь в работе А.Л. Сидорова (1960) сделана попытка изучить этот вопрос, однако приведенные им данные носят иллюстративный характер и не создают конкретного представления о политике трезвости и введении сухого закона, а материал рассмотрен бегло, без должного анализа [1]. В работе С.С. Остроумова, вышедшей в 1980 г., в контексте главной проблемы исследован вопрос борьбы общеуголовной полиции с подпольным изготовлением и торговлей спиртным накануне Февральской революции [2].

Изучение истории и проблематики введения сухого закона в период мобилизации в годы Первой мировой войны в российской историографии началось сравнительно недавно. В 1994 г. вышло в свет несколько статей Ю.И. Кирьянова, посвященных беспорядкам в 1914–1915 гг. во время проведения мобилизации [3, 4]. В опубликованной в 1997 г. статье В.В. Канищев и Л.Г. Протасов наглядно показали, что в сельской местности население сравнительно легко и безболезненно

отказалось от повседневного употребления алкоголя, но с трудом привыкало к трезвости по праздникам, которые были издавна связаны с питейными традициями, а «сухие» свадьбы, масленицу, поминки крестьяне воспринимали как неприличие и компенсировали его изготовлением домашних напитков – браги, пива, хмельного кваса [5].

Одной из первых крупных работ, в которой подробно изучен этот вопрос на региональном материале, стала монография А.В. Посадского (2002) [6]. Автор показал развитие трезвеннического движения накануне войны; рассмотрел инверсивную смену приоритетов и настроений, маятниковое движение массовых представлений мобилизованных солдат, которые являются, согласно точке зрения А.С. Ахиезера, краеугольным стержнем российского исторического процесса [7, с. 22]. Представляют интерес выводы О.А. Чагадаевой в статье, вышедшей в 2013 г. и явившейся одной из последних работ, посвященных данной теме [8]. Глубокое исследование по вопросу формирования отечественных питейных традиций, истории потребления спиртного различными слоями русского общества, антиалкогольных кампаний XVII – XX вв. провели И.В. Курукин и Е.А. Никулина [9]. Региональная историография проблемы представлена отрывочными сведениями о работе Общества трезвости в 1896–1905 гг. в четвертой главе коллективной монографии по истории города Чебоксар, опубликованной в 2014 г. [10].

Настоящее исследование осуществлено на основе ранее не вводимых в научный оборот архивных источников и их анализе. К ним относятся указы и циркуляры центральной власти и казанского губернатора, делопроизводственная документация Чебоксарской городской управы, ее переписка (отношения) с чебоксарским уездным воинским начальником, чебоксарским уездным исправником, Чебоксарским распорядительным уездным комитетом, чебоксарским земством, акцизным управлением, а также прошения граждан на имя городской управы.

Одним из важнейших мероприятий царского правительства, оказавших огромное влияние на процесс мобилизации, стало введение накануне войны сухого закона. Первая мировая война 1914–1918 гг. стала новым явлением в истории человечества. Впервые в грандиозную войну оказались вовлеченными не отдельные страны и регионы, а всё мировое сообщество. Для Российской империи война стала наиболее непредсказуемой и трагичной по своим последствиям, ее результатом была беспрецедентная в истории коренная ломка всей системы общественных отношений. Сухой закон стал рискованным социальным экспериментом, так как бюджет страны на протяжении сотен лет строился на поступлении от доходов с казенной продажи «питей». И правительство страны в преддверии крупных военных затрат осознанно шло на отказ от большей части этих поступлений [11, с. 77]. Еще в конце XIX – начале XX в. появились благотворительные организации, ставившие своей целью противодействие пьянству. 25 сентября 1896 г. семь членов Казанского общества трезвости (КОТ) – врач С.М. Вишневецкий, купец А.П. Астраханцев, игумен Троицкого монастыря Ермолай и др. – основали городской отдел (филиал) КОТ. Одновременно с введением винной монополии на местах создавались губернские и уездные комитеты государственной благотворительной организации Попечительства о народной

трезвости (ПНТ) (в Казанской губернии – в 1901 г.) [10, с. 176–177]. Чебоксарский уездный комитет ПНТ основал Народный дом с чайной – читальней, где имела аудитория для народных чтений и спектаклей, а также книжный склад для продажи книг, картин и письменных принадлежностей. В 1903 г. комитет ПНТ, сотрудничавший с чебоксарским филиалом КОТ, слился с ним.

Предвестником «сухого» порядка 1914–1917 гг. являлось закрытие питейных заведений в период мобилизации и призыва новобранцев во время военных маневров, русско-японской войны, крупных общегосударственных праздников, крестных ходов [12, с. 80]. Подготовка сухого закона была использована Николаем II в январе 1914 г. для смещения неугодного премьера и одновременно министра финансов В.Н. Коковцова, ярого сторонника сохранения питейного дела в руках своего ведомства и казенной монополии. Против него действовали царица Александра Федоровна, Григорий Распутин и создатель винной монополии С.Ю. Витте, который взял теперь на вооружение лозунг трезвости. П.Л. Барк, являвшийся преемником Коковцова, получил царский рескрипт, где говорилось о необходимости переустройства системы финансового ведомства «на началах развития производительных сил и упрочения народной трезвости» и невозможности строить обогащение казны на народном пороке [9, с. 223].

Одним из факторов, повлиявших на принятие закона по борьбе с пьянством, оказалась картина деревенской нищеты, увиденная царем на Волге в 1913 г. во время празднования 300-летия дома Романовых. Этому способствовала и общественная деятельность такого борца за трезвость, как М.Д. Чельшев. Получив рескрипт от управляющего министерством финансов, казанский губернатор 22 марта 1914 г. направил его земским начальникам и городским управам. В нем, в частности, говорилось: «В Высочайшем Рескрипте... Государю Императору благоугодно было с высоты Престола обратить внимание на печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств, которые являются результатом... нетрезвой жизни... известно и то, что сельские и волостные должностные лица не только не противодействуют тайной продаже в селах казенного вина, допущению мирских попоек... ведущих к вырождению, ослаблению физических и духовных сил его, но и сами в них принимают участие, что... будет преследоваться» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330. Л. 36–37). Вскоре последовало распоряжение Николая II военному министру не подносить ему обязательной пробной чарки на парадах и высочайших смотрах. Накануне войны по русской армии был оглашен приказ о запрещении пить: офицерам – в походах, на маневрах, учениях и «в присутствии нижних чинов», для солдат запрет распространялся на любое время, что объяснялось неудачами во время предыдущей (русско-японской) войны и пьянством на передовой, приводившим к сдаче войсками позиций противнику. Одновременно в царской армии для солдат и офицеров вводились наказания за употребление спиртного на службе и предписывалось создавать полковые общества трезвости. В аттестациях офицеров должны были присутствовать сведения об отношении к спиртному, а командиры частей составляли список заведений, которые разрешалось посещать их подчиненным. Однако Морское ведомство отстояло традиционную чарку для матросов [9, с. 224].

23 марта 1914 г. в здании Казанского губернского правления состоялось особое совещание по вопросу о борьбе с нетрезвостью и шинкарством, итогом которого стала просьба председателя комитета, казанского губернатора П. Боярского к Чебоксарской городской управе «оказать полнейшее содействие Городскому и Уездным Комитетам Попечительства о народной трезвости к объединению деятельности на поприще отрезвления народа и достижения тем исполнения Монаршей воли» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 300). В апреле 1914 г. был издан закон о запрещении продажи и выделки фальсификатов и подделок, «не соответствующих по своему составу понятию виноградного вина» [9, с. 224].

8 и 9 апреля в Казанской губернии был проведен «Праздник трезвости», устроенный Казанской епархией по ходатайству Всероссийского союза христиан, состоявшего под покровительством великого князя Константина Константиновича. Он проходил по следующей программе: 8 апреля во всех церквях епархии были отслужены всенощные, после которых разъяснялось значение пьянства; 9 апреля после литургии был устроен крестный ход в соборах уездных городов, а в селах вокруг храмов затем совершен молебен об избавлении русского народа от пьянства, устраивались народные чтения, раздавались брошюры и листы против пьянства, был объявлен сбор средств на борьбу с ним. С 5 часов вечера 8 апреля и весь следующий день казенная и частная виноторговля в губернии, кроме ресторанов 1-го разряда, должна быть закрыта (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330. Л. 39–40 об.).

В циркуляре земского отдела министерства внутренних дел № 41 от 30 июня 1914 г., направленном губернаторам, говорилось, что еще распоряжением министерства финансов от 11 марта 1914 г. сельским сходам было дано право с соблюдением формальных требований акцизного надзора своими приговорами закрывать места торговли крепкими напитками на своей территории. А по новому указанию «предположено в дни общественных сходов и сборов и разбирательства дел в волостных судах воспретить торговлю крепкими напитками на пространстве всего... селения в течение целого дня, с распространением на дни ярмарок и базаров» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1330. Л. 73).

16 июля 1914 г. Чебоксарской городской управой был получен от чебоксарского уездного исправника совершенно секретный циркуляр для немедленного исполнения: «Получена от Господина Казанского Губернатора телеграмма... ожидается объявление общей мобилизации, первый день 17-е... с момента объявления мобилизации до закрытия сборных пунктов в местах сбора и следования запасных прекратить всякую торговлю спиртными напитками» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1328. Л. 31). С 17 июля 1914 г. продажа спиртного на территории империи во время проведения мобилизации была повсеместно запрещена, цена ведра водки повышена на 2 рубля, а крепость ее понижена до 37°. Ограничительные меры в первую очередь были направлены на изъятие алкогольного фактора из повседневного бытия для поднятия сознательности и работоспособности населения, а во вторую очередь – на концентрацию спирта, пригодного для нужд армии, в руках казны [8, с. 148]. Как и по всей стране, в регионе были приняты жесткие меры к возможным провокациям и растлению солдат через пьянство и дебоширство, а лучшей профилактикой беспорядков местные власти

считали привлечение военного духовенства для разъяснения призывникам тяжелой ответственности за подобные правонарушения [13, с. 101].

По мере становления сухого закона появлялись новые проблемы. Уже в первые недели войны при проведении мобилизации начались волнения, которые в отечественной исторической литературе нередко изображались как антивоенные, а на самом деле были связаны с повсеместными проводами в армию. Толпы запасных солдат в 33 губерниях и уездах атаковали примерно 230 питейных заведений [12, с. 88]. «Народные гуляния» в дни всеобщей мобилизации закончились весьма печально: было зафиксировано не менее 40 погромов, сопровождавшихся разграблением винных лавок, хулиганством, убийствами полицейских, чиновников, новобранцев и их провожающих. Имелись факты оскорбления имени государя и волнений по поводу землеустроительных работ. Наблюдались также проявления социально-классового антагонизма, выразившиеся в погромах и насильственных действиях крестьян, мобилизованных на войну, по отношению к помещикам, особенно там, где существовали давние конфликты на почве потрав и захвата сенокосов, лесных порубок. Запрет властями продажи спиртных напитков и закрытие всех частных и казенных винных лавок в местах расположения сборных пунктов, а также по пути следования новобранцев вызывали недовольство мобилизованных. Социокультурный аспект мобилизации продемонстрировал крестьянина в переходных, маргинальных состояниях: он поступал на военную службу, то есть происходила смена статуса. В буйстве призывников было стремление отстоять привычный стереотип поведения – отметить большое событие, каким являлся уход на войну, с водкой, как положено [6, с. 56]. Это и стало главной причиной массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и разграблением винных погребов и лавок. Кроме того, не всегда было обеспечено сопровождение следовавших колонн новобранцев полицией и подготовлены подводы для перевозки мобилизованных.

Все эти акции преступного и разбойного характера происходили под влиянием морально-психологического заблуждения в безнаказанности и вседозволенности в условиях начавшейся войны. В докладах полиции сообщалось о 107 раненых и 145 убитых во время вспышек насилия [12, с. 88]. Особенно масштабными по разгулу народной стихии были события в Барнауле, где многотысячная толпа взяла штурмом винный склад, а затем громила город целый день; при усмирении ее полицией и армией погибло 112 человек. Изучение архивных документов Чебоксарской городской управы, земской управы и входящих документов казанского губернатора, чебоксарского воинского начальника, присутствий по воинской повинности всех уровней создает лубочную и «благочинную» картину мобилизации, проведенной в Чебоксарском уезде. Но сообщение белорусского исследователя М.М. Смольянинова, нашедшего иные факты при изучении дела 1848 фонда 2000 Российского государственного военно-исторического архива, ставит эту идиллию под сомнение. Он пишет: «Куда более масштабные “беспорядки” происходили в глубинных губерниях Российской империи. Например, в Казанской губернии – в 12 уездах, в Омской – в шести уездах. <...> Военный министр В.А. Сухомлинов уже 24 июля телеграфировал командующим войсками Казанского и Омского военных округов “безотлагательно принять самые решительные меры к немедленному подавлению беспорядков и восстановлению

полного порядка самыми энергичными и быстрыми действиями» [14]. К сожалению, найти архивные документы, подтверждающие эту информацию на региональном уровне, пока не удалось.

Позднее пьяные погромы и беспорядки проходили и при новых воинских призывах в 1915–1916 гг. [5, с. 62]. Но говорить об их антивоенном характере, несмотря на это, не представляется возможным. Выступления призываемых новобранцев отражали традиционные представления крестьянства, связанные с проходами в армию. Губернские и уездные власти, учитывая предыдущий опыт мобилизации, провели ряд превентивных мероприятий, направленных на ограничение, а впоследствии и на изъятие спиртного из магазинов губернии [15, с. 15].

24 июля 1914 г., уже во время проведения первой мобилизации, на очередном заседании Чебоксарской городской думы под председательством городского головы Ф.П. Ефремова гласные приняли заявление о разработке городской управой особого доклада по борьбе с пьянством: «Стремясь уменьшить пьянство и заботясь... об увеличении городских доходов, благопристойности и благочиния в городе, мы предлагаем... что достаточно 1-го заведения, торгующего вином на вынос... так как 9/10 выпускаемого вина продают окрестным крестьянам, которые тут же на улице пьют водку и производят при этом разные неблагопристойности... ходатайствуем о закрытии с 1 января 1915 г. в Чебоксарах Казенных винных лавок... Вред же, приносимый ими... велик, особенно пагубно оно влияет на молодое подрастающее поколение. Предлагаем число пивных лавок сократить до 2-х...» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 335–335 об.). Гласные думы предлагали также закрыть с 1 января оба трактира 3-го разряда, так как «они служат местом для сборища пропойц и пьянства рабочего народа» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 335 об.). Но принимая во внимание, что закрытие трактиров будет представлять неудобства для торгового люда, привыкшего встречаться там для обсуждения коммерческих вопросов и совершения сделок, дума приняла решение ходатайствовать перед казанским губернатором и управляющим акцизными сборами об открытии в городе одного трактира 2-го разряда в Городском доме (бывшем Таланцевском доме). Вместе с тем эти правительственные меры отнюдь не означали введения сухого закона. Для аристократических клубов и ресторанов первого разряда сохранялось исключительное право продажи спиртного, а уже в августе 1914 г. было разрешено продавать виноградное вино (крепостью до 16°), в октябре – и пиво.

12 августа 1914 г. Казанскому губернатору был отправлен циркуляр № 2344 «О времени торговли крепкими напитками в будние дни» за подписью министра финансов П.Л. Барка, который был исполнен Чебоксарской городской управой 10 октября того же года. На основании ст. 619–621 Устава об акцизных сборах (по продолжению 1910 г.) устанавливались предельные часы торговли крепкими напитками в будние дни, а ее продолжительность могла быть уменьшена обязательными постановлениями городских управ, изданными в порядке ст. 9 закона от 15 октября 1906 г. Согласно циркуляру устанавливался порядок продажи «питей». В казенных винных лавках она начиналась в 9 часов утра и оканчивалась в субботние и предпраздничные дни в 2 часа дня, в будние дни при двухчасовом перерыве на обед – в 6 часов вечера. Торговля крепкими напитками в частных местах продажи «питей» и выносная в городах могла

начаться не ранее 9 часов утра и оканчиваться вне городов в субботние и предпраздничные дни не позднее 2 часов дня, в будние – не позднее 6 часов вечера; распивочная торговля в заведениях трактирного промысла 3-го разряда (торговавших исключительно в запечатанной посуде) должна прекращаться не позднее 9 часов вечера и в прочих частных местах не позднее 11 часов вечера (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 430).

22 августа Николай II Высочайшим указом существующий запрет на продажу водочных изделий, вина и спирта для местного потребления в империи соизволил продлить до окончания военного времени; правда, никто тогда не знал, что война затянется на несколько лет [9, с. 224]. С 22 августа 1914 г. спирт шел официально только на медицинские, технические, научные цели исключительно по разрешениям военного ведомства, полиции и акцизного надзора. Денатурированный спирт оставался единственным товаром, который продавался в немногочисленных винных лавках [12, с. 89]. Российские спиртзаводчики и винокуры стали при этом получать от правительства денежную компенсацию (к сентябрю 1917 г. она составила 42 млн рублей), а продукция, произведенная на винокурных заводах, хранилась на складах и сбывалась периодически по особым разрешениям Министерства финансов. Тысяча с лишним спиртзаводов для нужд армии и промышленности была перепрофилирована на изготовление денатурата и других изделий. Нерастраченные на спиртное деньги люди вкладывали в банки. За второе полугодие 1914 г. денежные вклады населения в сберегательных банках империи достигли 70.4 млн рублей, тогда как за второе полугодие 1913 г. составляли только 1.3 млн рублей [12, с. 91]. Но во время сухого закона резко возросло потребление бражки и самогона, выгоняемых в домашних условиях либо добываемых с винокурных заводов.

10 октября 1914 г. было опубликовано положение Совета министров, по которому городским думам было предоставлено право возбуждать ходатайства о воспрещении в городах и посадах продажи крепких напитков (спирт, казенное вино, водочные изделия, виноградное, фруктово-ягодное и изюмное вина, пейсаховые водки, коньячный спирт, русский коньяк, пиво, портер и мед) (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 451–451 об.). Наиболее успешным и благотворным действие сухого закона оказалось в сельской местности, где жило большинство населения империи, так как алкогольные напитки (например, водка), суррогат и спирт туда почти не доходили. Надо сказать, что в короткий срок произошло значительное сокращение потребления водки: если в январе – июле 1914 г. было продано 5400 тыс. ведер, то в августе – декабре – только 700 тыс. ведер [9, с. 226].

Для покупки спирта в мускательных лавках необходимо было получить специальное удостоверение о том, что он будет использоваться в технических и ремесленных целях. Это видно из просьбы мещанина И.А. Бронникова, занимавшегося «столярным мастерством», от 11 ноября 1914 г. на имя Чебоксарской городской управы (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 480). 28 октября 1914 г. гласными Чебоксарской городской думы на повестке дня обсуждался «вопрос о воспрещении... с 1-го ноября продажи пива в городе Чебоксарах и... мерах борьбы с пьянством» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 455). В связи с этим 1 декабря 1914 г. крестьянин А.Н. Пискарев деревни Криуши Покровской волости Чебоксарского уезда просит Чебоксарскую городскую управу вернуть ему

15 из 30 рублей акцизного сбора «за целый год в доход города Чебоксар, так как торговля пивная со второго полугодия по распоряжению правительства была закрыта» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 498). Аналогичное заявление на имя городских властей было подано 17 декабря 1914 г. потомственным почетным гражданином П.Ф. Бычковым с просьбой вернуть половину суммы, выплаченной в виде акциза «при открытии распивочной пивной лавки в городе Чебоксарах в доме И.А. Антонова в 30 рублей»; лавка была закрыта по распоряжению Правительства (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 534). Тогда же купец О.М. Дряблов просит Чебоксарскую городскую думу «скинуть сумму оплаты за арендуемое городское помещение на Базарной площади», где с 17 июля было закрыто трактирное заведение и был открыт «упрощенный народный кинематограф... на время, когда не было трактирной торговли» (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 514). В продолжение антиалкогольной политики в городах Российской империи стали открываться вместо трактиров чайные. Уже 18 декабря 1914 г. Чебоксарской городской управой было удовлетворено заявление крестьянина И.И. Митина деревни Аникеевой Чебоксарской волости с просьбой открыть чайную в верхнем этаже городского Рождественского дома с арендной платой в 200 рублей на 1915 г. (ГИАЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331. Л. 541).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на территории Чувашии в целом и в Чебоксарах в частности трезвенническое движение было развито достаточно сильно; изданные правительством и «Высочайше утвержденные» накануне войны указы и циркуляры позволили ввести сухой закон в период мобилизации, которая сопровождалась во многих местах империи погромными действиями мобилизованных нижних чинов. Правительство пошло на достаточно мягкий вариант запретительных мер, так как на территории Чебоксар не были закрыты все питейные заведения; были введены ограничения по времени торговли крепкими напитками в будние дни, а для аристократических клубов и ресторанов 1-го разряда сохранялось исключительное право продажи спиртного. Вместо пивных предприимчивые купцы и крестьяне в конце 1914 г. стали открывать чайные.

Источники

ГИАЧР – Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 82: Чебоксарская городская управа. Оп. 1. Д. 1328. 43 л.; Д. 1330. 124 л.; Д. 1331. 552 л.

Литература

1. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 579 с.
2. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 204 с.
3. *Кирьянов Ю.И.* Были ли антивоенные стачки в России в 1914 году? // *Вопр. истории.* – 1994. – № 2. – С. 43–52.
4. *Кирьянов Ю.И.* Майские беспорядки 1915 г. в Москве // *Вопр. истории.* – 1994. – № 12. – С. 137–150.

5. *Канищев В.В., Протасов Л.Г.* Доъем романовские остатки! // Родина. – 1997. – № 8. – С. 62–65.
6. *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (на материалах Саратовской губернии). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 159 с.
7. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – Т. 1: От прошлого к будущему. – 804 с.
8. *Чагадаева О.А.* Вперед к победе без шнапса и абсента. Мировая война и алкогольный вопрос // Родина. – 2013. – № 8. – С. 148–149.
9. *Курукин И.В., Никулина Е.А.* «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 382 с.
10. Чебоксары: исторический очерк. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 511 с.
11. *Чагадаева О.А.* «Смесь красного вина с раствором динамита...»: «сухой закон» и черный рынок в годы Первой мировой войны // Родина. – 2010. – № 8. – С. 77–79.
12. *Пашков Е.В.* Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопр. истории. – 2010. – № 10. – С. 80–93.
13. *Кашаев И.М., Матюшин П.Н., Широков О.Н.* Организация мобилизации людских ресурсов в уездах Казанской губернии в начале Первой мировой войны (на материалах фонда Чебоксарского уездного воинского начальника) // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2016. – № 4. – С. 98–104.
14. *Смолянинов М.М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. – URL: https://bookz.ru/authors/mihail-smol_aninov/belarus_457/page-2-belarus_457.html, свободный.
15. *Казаковцев С.В.* Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киров, 2007. – 20 с.

Поступила в редакцию
22.09.17

Блиняев Семен Николаевич, аспирант кафедры истории и культуры зарубежных стран

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ул. Университетская, д. 38, г. Чебоксары, 428000, Россия
E-mail: semen-blinjaev@rambler.ru

Широков Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, декан историко-географического факультета

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
ул. Университетская, д. 38, г. Чебоксары, 428000, Россия
E-mail: 425954@rambler.ru

Introducing the Dry Law in the Kazan Governorate during the World War I*S.N. Blinjaev**, *O.N. Shirokov****I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, 428000 Russia*E-mail: **semen-blinjaev@rambler.ru*, ***425954@rambler.ru*

Received September 22, 2017

Abstract

Based on the archival materials of fund no. 82 of the State Historical Archive of the Chuvash Republic, the prerequisites for introduction, implementation, and consequences of the dry law during the mobilization in the course of the World War I have been studied. The problem under our consideration is highly relevant, because the dry law seriously influenced the social and financial aspects of life during the war period. The novelty of the research is that there are no scientific publications or materials in the regional historiography where the problem is considered in this perspective.

We have carried out a review of the studies performed by Soviet, Russian, including the regional ones, historiographers, as well as of the archival sources. The policy of local authorities on implementation of the dry law and other direction of the state powers, its consequences in the context of the historical events that took place in the Russian Empire have been analyzed.

The obtained results allowed us to make the following conclusions: the well-developed anti-alcohol movement and the adopted orders and circulars have made it possible to introduce the dry law in the entire territory of the Kazan governorate and Chuvashia, particularly during the period of mobilization, and its implementation was accompanied by rather gentle measures for alcohol prohibition.

Keywords: Cheboksary Town Council, mobilization, drunken riots, Kazan Governor, Committee of Guardianship about National Sobriety, Cheboksary City Council, dry law

References

1. Sidorov A.L. *Finansovoe polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (1914–1917)* [The Financial Position of Russia during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1960. 579 p. (In Russian)
2. Ostroumov S.S. *Prestupnost' i ee prichiny v dorevol'yutsionnoi Rossii* [Crime and Its Causes in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Izd. MGU, 1980. 204 p. (In Russian)
3. Kir'yanov Yu.I. Were there any anti-war strikes in Russia in 1914? *Voprosy Istorii*, 1994, no. 2, pp. 43–52. (In Russian)
4. Kir'yanov Yu.I. The Moscow riots of May 1915. *Voprosy Istorii*, 1994, no. 12, pp. 137–150. (In Russian)
5. Kanishchev V.V., Protasov L.G. Finish the Romanov remnants! *Rodina*, 1997, no. 8, pp. 62–65. (In Russian)
6. Posadskii A.V. *Krest'yanstvo vo vseobshchei mobilizatsii armii i flota 1914 goda (na materialakh Saratovskoi gubernii)* [Peasants in the General Mobilization of the Army and Navy in 1914 (Based on the Materials of the Saratov Governorate)]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 2002. 159 p. (In Russian)
7. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: A Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. Vol. 1: From Past to Present. Novosibirsk, Sib. Khronograf, 1997. 804 p. (In Russian)
8. Chagadaeva O.A. Towards victory without schnapps and absinthe. World War and problem of alcohol. *Rodina*, 2013, no. 8, pp. 148–149. (In Russian)

9. Kurukin I.V., Nikulina E.A. *“Gosudarevo kabatskoe delo”*: *Ocherki piteinoi politiki i traditsii v Rossii* [“State Taverns Case”: Essays on Drinking Policy and Traditions in Russia]. Moscow, AST, LYuKS, 2005. 382 p. (In Russian)
10. *Cheboksary: istoricheskii ocherk* [Cheboksary: Historical Essay]. Cheboksary, Chuvash. Kn. Izd., 2014. 511 p. (In Russian)
11. Chagadaeva O.A. “A mixture of red wine and dynamite solution...”: “Dry law” and black market during the World War I. *Rodina*, 2010, no. 8, pp. 77–79. (In Russian)
12. Pashkov E.V. Anti-alcohol campaign in Russia during the World War I, *Voprosy Istorii*, 2010, no. 10, pp. 80–93. (In Russian)
13. Kashaev I.M., Matyushin P.N., Shirokov O.N. The organization of human resources mobilization in Kazan province districts at the beginning of the World War I (based on materials of the Cheboksary County Military Chief Fund). *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2016, no. 4, pp. 98–104. (In Russian)
14. Smol’yaninov M.M. Belarus in the World War I of 1914–1918. Available at: https://bookz.ru/authors/mihail-smol_aninov/belarus__457/page-2-belarus__457.html. (In Russian)
15. Kazakovtsev S.V. Human and material resources mobilization in the Vyatka Governorate during the World War I. *Extended Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss.* Kirov, 2007. 20 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Блиняев С.Н., Широков О.Н. Введение сухого закона в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 665–675. ⟩

⟨ **For citation:** Blinjaev S.N., Shirokov O.N. Introducing the dry law in the Kazan governorate during the World War I. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 665–675. (In Russian) ⟩